
ДИНАМИКА И СТАГНАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ СИМПАТИЙ-АНТИПАТИЙ

ГАЯНЕ ШАВЕРДЯН

В отношении другого мы ощущаем чуждость и родственность одновременно. Р. Лэнг называет это “потенциально трагическим парадоксом”: наша связанность с другими есть существенный аспект нашего бытия, точно так же, как наша отделенность. Принципиальная расколотовость бытия на себя и другого, открывающая широкое поле для межличностных конфликтов, недоразумений и непониманий, порождает онтологически неуверенную личность, жизнь которой протекает без ощущения жизни. С одной стороны, личность испытывает внутреннее одиночество, которое доставляет ей страдание, а с другой – будучи неудовлетворенной общностью, в пределах которой она находится, стремится убежать в одиночество.

Чтобы вскрыть корни этой антиномии, зададимся вопросом: что человек хочет от общности? Очевидно, что при всех мотивационных различиях человеческие экспектации ограничиваются удовлетворением социальной потребности: человек рассматривает группу (и другого) как объект, который обеспечивает питание для его социальной потребности. Потребность, однако, всегда себялюбива, и поэтому группа представляет собой пересечение потоков себялюбивых потребностей членов группы. Отсюда вытекает, что внутрigrупповые отношения обречены на эгоизм, иначе говоря, ориентированы на сугубо антисоциальный элемент. Каждый намерен брать свою долю, например, социального уважения, удовлетворять собственные статусные амбиции, и рано или поздно амбиция выступает против амбиции, предопределяя конфликт, раздор и изоляцию. При этом движения эмоциональных модальностей или межличностные симпатии-антипатии в значительной мере продиктованы именно удовлетворением или неудовлетворением потребностей.

С другой стороны, теория аффективного контроля Д. Гейса убеждает, что действия личности в группе продиктованы желанием подтвердить важные и опорные для нее пункты собственной идентичности. Выделяя 800 характеристик идентичности (профессиональные, этические, статусные, характерологические и пр.), Н. МакКинон приходит к выводу, что если групповое событие не подтверждает личностную идентичность, личность производит ложные атрибуции или пересматривает собственные идентификационные признаки. В рамках данной теории эмоции рассматриваются как главный аффективно насыщенный сигнал, информирующий человека о подтверждении или неподтверждении личностной идентичности. При этом можно математически точно предсказывать эмоциональные реакции людей друг к другу¹.

Как видно, социальное взаимодействие обусловлено, во-первых, удовлетворением или неудовлетворением социальных потребностей или

---

¹ См.: MacKinnon N. Symbolic Interaction as Affect Control. N. Y., 2001, p. 59–69.

желаний, что можно отнести к мотивационно-волевому аспекту взаимодействия, и, во-вторых, подтверждением или неподтверждением собственной идентичности – когнитивный аспект взаимодействия.

Оба аспекта взаимодействия постоянно сопровождают эмоции. Являясь медиатором как социального взаимодействия, так и собственного самоутверждения, они в конечном счете служат “эго”. Посредством позитивных и негативных чувств к себе или другому личность утверждает себя через различные проявления “Я”. Вот почему мучительное бесчувствие шизофреника сопровождается потерей “Я”.

Исследования по проблеме саморегулятивной пользы привычки и корреляций между эмоциями, мыслями и привычным поведением показали, что личность, ведомая привычкой в каждодневном общении, не осознает своих действий, мыслей и эмоций. Осознанные мысли и эмоции соотносятся только с непривычным поведением². Соотношения этих данных позволяет сделать вывод, что эмоции или симпатии-антипатии в межличностном общении выполняют, во-первых, функцию индикатора удовлетворения/неудовлетворения социальной потребности и подтверждения/неподтверждения различных сторон собственной идентичности. При этом сами симпатии-антипатии в привычных ситуациях личностью не осознаются, а в травматических (конфликт, потеря, развод и пр.) становятся болезненно осознанными и даже навязчивыми.

Однако межличностное общение есть, прежде всего, межличностное познание и самопознание, обеспечивающие психическое развитие личности. При указанных же условиях познания другого не происходит вовсе, потому что действительное познание не может исходить из привычных или болезненных симпатий-антипатий, а самопознание не может быть ограничено себялюбивым притяжением к тем, кто подтверждает нашу идентификацию и отталкиванием от тех, кто ее не подтверждает. В противном случае в межличностном взаимодействии мы снова и снова познаем самих себя, взятых в стабильно неизменном виде. Именно это имел в виду Ф. Перлс, говоря о том, что, желая познать другого, мы находимся в комнате с зеркалами, отражающими нас самих. Мы видим в другом не конкретного другого, а наше представление о том, каким он должен быть. И здесь неизменны не только мы, но и другие, поскольку мы попросту доводим до рутины симпатии-антипатии и не осознаем их, что свидетельствует об отсутствии условий для развития отношений.

Модель подкрепления эмоций Д. Барна и Г. Клора разрешила вопрос о роли эмоций в межличностных отношениях предельно просто: симпатия ассоциируется с позитивным подкреплением (поощрение), антипатия – с негативным (наказание). Иначе говоря, любой нейтральный стимул имеет шанс стать эмоционально модальным, если он подкреплен³. Жизнь, однако, демонстрирует парадоксальные примеры негативного подкрепления, когда, в частности при патологическом слиянии, личность тянется к наказуемому, подтверждая библейское: “И любят люди мучителей своих”. Па-

---

² См.: Wood W., Quinn J. M., Kashy D. A. Habits in Everyday Life: Thought, Emotion and Action // Journal of Personality and Social Psychology, 2002, vol.1, p. 1281–1297.

³ См.: Byrn D., Clore G. A Reinforcement Model of Evaluative Responses // Personality, 1970, 1, p. 103–128.

тологическое слияние, при котором личность подсознательно растворяет собственное “Я” в “Я” другого человека, вне зависимости от модальности эмоций (любовь-ненависть) действует без “плоских” бихевиориальных подкреплений и в противовес ожидаемым реакциям на стимул.

Еще в 60-х годах Р. Винч выдвинул межличностный принцип “взаимной дополняемости”, согласно которому люди стремятся к поиску таких людей, которые способны содействовать удовлетворению своих потребностей и отвращаются от тех, которые этому не содействуют⁴. Но тем самым ставится преграда к самопознанию, поскольку ему в значительной степени способствует потребность в критической оценке со стороны другого. Крайне редко можно встретить людей, принимающих, ищущих и даже радующихся негативу по отношению к себе в целях более углубленного самопознания.

Теория баланса Ф. Хайдера, согласно которой люди относятся положительно только к тем, кто проявляет к ним симпатию, и наоборот, теория социального обмена Г. Хоманса, согласно которой люди обмениваются взаимными подкреплениями подобно бартерным сделкам, теория взаимозависимости Тюбо и Келли и т. д. перевели межличностные отношения в плоскость “бухгалтерии”, подсчитывающей коэффициенты затрат и приобретений. Подобные экспериментально выверенные модели социального поведения, однако, оставляют без ответа вопрос о том, чем человек с его межличностными отношениями отличается от одиноко сидящей в клетке “павловской” собаки.

Эмпирическая проверяемость этих фактов уже на уровне обыденного сознания и их статус как результата научного исследования не вызывает сомнения. *Но такого рода результаты должны восприниматься не в качестве итога, а в качестве исходной задачи, которую необходимо решить.* Прямое следование тому, “что есть”, т. е. тому, что мы получили в результате исследования, равнозначно ленивому препятствованию тому, чему необходимо и “должно быть”. Поэтому вместо озабоченности подобными результатами и попытки разобраться в сплыве социальных и антисоциальных потребностей дальнейшее продолжение эти идеи получили разве что в области разработки эффективных способов манипулирования симпатией-антипатией для успешного обмена.

В случае наличия какой-либо природно-экологической проблемы после констатации и описания факта разрабатываются способы решения проблемы. В случае же с описанными моделями *исследователи завершают там, где следовало бы начать*, и более того, подводят прикладную социальную психологию под эти модели. Это так же умно, как стремиться создать у берегов Франции еще большее нефтяное пятно, чем у берегов Испании, вместо того чтобы подумать о том, как бороться с наличным пятном. В области экологии межличностных отношений современные психотехнологии изошрются в рекомендациях все более эффективного социального внушения, обмана и оболванивания человека, конкурируют в предоставлении способов выведения человека из душевного равновесия, методов порождения конфликтов в группе по системе “разделяй и властвуй” и пр. Под это подведены уже соответствующие термины (“управляю-

---

⁴ См.: **Winch R.** Mate Selection. A Study of Complementary Needs. N. Harper Row, 1958.

щие параметры катастрофы”), которые заключаются, например, в способствовании ссоре, если “все питаются из одного котла”. Не случайно, что книга Х. Маккея, разрабатывающая эффективные способы манипулирования людьми, носит название “Как уцелеть среди акул”. Среди подобных психотехнологий, к примеру, есть рекомендации типа: “Умело выводи систему (человека) из душевного равновесия, создавая напряжение в отношении косвенных тем”, “Постоянно вызывай в другом чувство вины” и т. д. *Так межличностное познание останавливается перед пониманием загадки эгоизма и сразу переходит в эгоистический праксис.* Эгоизм в идеях, полученный как результат эксперимента, трансформировался в эгоизм в действии, и остается резюмировать, что цивилизация описала круг и возвратилась в варварство.

Дрессируя одних сделать обмен еще более выгодным, мы отнимаем выгоду у других, в поисках самоутверждения мы не замечаем самоутверждения другого, опираясь на подкрепления, мы выбрасываем за ненадобностью когнитивные и перцептивные способности, а универсальный принцип взаимности симпатий и антипатий постепенно подготавливает всеобщий сепаратизм. Удивительно ли после такой максимально экономичной оценочной стратегии заслужить оскорбление, оброненное Б. Дарденом: “Современные люди – когнитивные скупцы”! Действительно, кому нужно развитие когнитивной структуры и социальное познание вообще? Ассоциация между “мясом” и “звонком” обеспечивает успешное функционирование человека в социуме и защищает его сенсорно схваченные адаптивные формы поведения от “эфемерных” неадаптивных.

Подобные ассоциации будут заменять познание другого человека до тех пор, пока мы не сменим аналогии межличностных отношений с “павловской собаки” на буквальную жизненность Павлова слова: “Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто <...> Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не гордится <...> не ищет своего...” (1 Посл. к коринф., 13; 1–5). Эти слова будут оставаться гласом вопиющего в пустыне, пока в победившей в течение последних веков научной рассудочности они будут восприниматься как надоедливый иррациональный артефакт. Основную причину такого положения вещей, когда интеллектуальный век всей мощью сопротивляется против этих слов, а исследователь идет на поводу у науки, запутывающей его в сетях материально-потребительской культуры, еще в 1881 году В. Соловьев видел в отсутствии христианской культуры: “Восток сохранил истину Христову, но, храня ее в душе своих народов, Восточная Церковь не осуществила ее во внешней действительности, не дала ей реального выражения, не создала христианской культуры, тогда как Запад создал культуру антихристианскую”⁵. В. Соловьев считал неизбежным “рождение духовного человечества”, ожидая решительных шагов со стороны церкви. Современное человечество еще более отдалилось и продолжает стремительно отдаляться от этого пути, потому что путь к осуществлению духовности во внешней

---

⁵ Соловьев В. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 3. СПб, 1914, с. 165.

жизни пролегает не через абстрактные церковные догматы, а через конкретную науку, осознающую перспективу трагического тупика сведения жизни к выгодной хозяйственности, науку, внутри которой уже происходит подготовка к созданию новой культуры, способной постигнуть духовные реалии с точки зрения их практической ценности.

Однако рассудок не может быть заменен верой. Такая замена, говоря языком Аристотеля, означала бы откат “души размышляющей” или “мыслящей” к “душе ощущающей”. “Размышляющей душе представления как бы заменяют ощущения”, – пишет Аристотель, а также чувства, желания, движения⁶. Вера есть область чувства или “души ощущающей”, научное знание – область рассудка или “души размышляющей”. К чему в конечном счете ведут эти две? Проведенный последовательно до конца, рассудок склоняется к тому, чтобы сделать человека изощренным животным, следовательно, более животным, чем само животное, – рациональным животным. При этом человек фактически дает себя вести эгоизму и силе антипатии, используя симпатию как тот же инструмент антипатии и подчиняя её целям дегуманизации. Проведенная до конца “душа ощущающая” затемняет сознание, не считается с социальными реалиями жизни и потребностями, превращая человека в моральный автомат, на службу которого поставлена абстрактная симпатия одного человека к другому. Крайне показательна в этом отношении пустая, изнутри “тухлая”, модная для различной научно-абстрактной болтовни и мертворожденная в практике жизни т. н. толерантность. Рассудок “сдружился” с внешней действительностью, находя в ней опору своей доказательности, основание для отказа от невидимых реалий и повод к утверждению собственной респектабельности, создав в конечном счете “антихристианскую культуру”, причем вне зависимости от ее локализации в церкви или вне ее. Как заметил один остряк, сегодня в церкви можно встретить все, кроме христианства. Восточная же церковь, о которой говорит В. Соловьев, не включила свой внутренний импульс в жизнь, поэтому ничего не дала действительности и не помогла человеку в разрешении его насущных проблем. Симптоматичен в этом отношении разговор двух публицистов, высказывания которых продиктованы этим противостоянием:

А. Минкин: ...Рекламируют не товар, а образ жизни...

А. Никонов: ...Телевидение ведь не первично, а вторично. Использует только то, что есть в обществе. Эксплуатирует потребность...

А. Минкин: ...Россия стала огромным поставщиком живого товара...

А. Никонов: ...Радует, что хоть какие-то наши специалисты нужны. Профессия проститутки ничем не хуже, чем профессия массажистки, медсестры, парикмахера, ученого, слесаря...

А. Минкин: ...А наркотики...

А. Никонов: ...Даже животные пожирают галлюциногенные грибы. Это биологическая потребность. Официально заявляю: мы – приматы. Приматы – это обезьяны...

А. Минкин: Откуда вы знаете?

А. Никонов: Я беру свои знания от специалистов. Даже на экономике мировой цивилизации лежит отпечаток нашей животности.

---

⁶ См.: Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1, М., 1984, с. 438.

А. Минкин: ...А если я скажу, Бог не велит, это для вас ведь пустые слова...

А. Никонов: А других слов у вас нет! Только пустые⁷.

Именно оторванное от знания и обросшее пустыми словами христианство приветствовал К. Маркс, без труда поставивший на место “такого” бога другого бога – Капитал, плоды идей которого непосредственно пожинает современная социальная психология, плавно перетекающая в психологию бизнеса. “Христианство с его культом абстрактного человека, – писал К. Маркс, – является наиболее адекватной формой религии”⁸.

Принципиальная непознаваемость духовных реалий, которую провозгласил Кант (“я должен был ограничить знание, чтобы дать место вере”), преградила путь к совмещению веры и знания, частным случаем чего является психология, идущая, с одной стороны, через рассудочное знание к неморальности и подсознательному страху по отношению к духовному, с другой – через трансцендентальные “ненаучные” понятия трансперсональной психологии к оторванным от современных условий и требований духовным ценностям. Ницше называл Канта “калекой понятий”, и через определенные ритмы развития это отразилось на судьбе психологии. В одном случае психологии уготована участь морального калеки, развивающего дарвиновский животный инстинкт борьбы, в другом – естественнонаучного инвалида, пропагандирующего отделенную от физического мира и собственного тела абстрактную духовность. Тем не менее, конкретное познание двойного “искусительства”, при котором мы или апеллируем к непонятному Богу, или изгоняем его из науки, может стать началом важнейшего перехода от пассивного и бездумного “христианства” к христианству активному, осознанному вплоть до физиологических функций организма.

Попробуем в свете сказанного рассмотреть роль симпатий-антипатий в межличностных взаимоотношениях. Естественно, что речь не идет об искоренении симпатий-антипатий или об их подавлении. Всякое подавленное психическое содержание мстит за себя из области бессознательно-го в форме различного рода фобий, тревоги, депрессий, агрессивных взрывов, критичности, слащавости, лицемерия и пр. Подавленное ради соответствия социальным нормам чувство антипатии, неконгруэнтность и неаутентичность поведения может породить также психосоматические и соматические расстройства. Речь также не идет о том, чтобы становиться флегматичным в общении с людьми или стать эмоционально притупленным и апатичным, а о том, чтобы направить симпатии-антипатии в правильное русло, пересмотреть их, расширяя представления о себе как о субъекте симпатий-антипатий и о других как об их объекте.

Позитивное влияние аффилиативности, взаимной поддержки и симпатических чувств доказано разве что только в ситуации психической травмы или заболевания. Симпатия сокращает время, необходимое для выздоровления, способствует мобилизации психических и физических сил, преодолению ситуации и психическому развитию⁹. Симпатия является

⁷ "Александр Никонов против Александра Минкина" // Огонек, 2003, № 1.

⁸ Цит. по кн.: Вурмбранд Р. Другое лицо Маркса. М., 1991, с. 5.

⁹ См.: Caplan G. Support system // G. Caplan [ed.], Support systems and community mental health. N. Y., 1974, p. 6.

также механизмом формирования “благосклонности целевой персоны” (Е. Джонс, Р. Чалдини): благоприятные суждения, комплименты, одобрение, восхищение и пр. делает уступчивее нужного нам человека. Иначе, везде симпатия поставлена на службу прагматическим интересам и так же, как при антипатии, мы находимся в рамках эгоистического интереса.

“Все знают пользу полезного, но никто не знает пользу бесполезного”¹⁰, – говорил Конфуций. “Бесполезная выгодность” антипатий обнаружена, например, в гештальттерапевтическом призыве Перлса и Энрайта “Примерь на себя”, когда вместо того, чтобы отдаваться сладостному антипатическому чувству или использовать ее в выгодных для своего социально-психологического статуса целях, извлечь из нее “бесполезную выгодность”, ибо при антипатии к другому познаешь что-то в себе; они – зеркало, где можно увидеть собственные недостатки. Знать, что говорят о нас самих наши антипатии, не есть продиктованная рассудком плоская выгода социального взаимодействия, при которой “Я” тонет и теряется в антипатии. Такой подход к антипатии ведет к самопознанию и утверждению “Я”, и тогда она является уже не тем, что она есть, а тем, чем она тяготеет стать при ее дальнейшем анализе. Как-то Зенон увидел знакомого раба всего в синяках. “Вижу следы твоего нрава”, – сказал он ему. Антипатия есть тот же “след”, некий знак, оповещающий нас о себе или другом человеке, который в свою очередь есть знак не столько его самого, сколько знак антипатичного явления, о котором необходимо знать. Серьезное изучение самих вещей или “вещи в вещи”, в противоположность “вещи в себе”, проявляется здесь благодаря тому, что становится уже не просто антипатией, подлежащей манипуляции в целях выгоды, а подлежащей метаморфозе в целях выработки способности к росту. Способность же, проявляемая в межличностном взаимодействии, в свою очередь противоположна привычке. Антипатии, ставшие привычкой, в силу стагнации и ригидности не могут перерасти в способность, поэтому кто видит сучок в чужом глазу и на этом останавливается, не может видеть бревна в собственном. Из такой установки вытекает не антипатия к себе, но расширение представления о себе и антипатия к явлению. Вот почему, если самостоятельная или психотерапевтическая работа приводит к открытию собственного дефекта, это не начало депрессии, а стимул к саморазвитию. Однако и здесь мы не вправе останавливаться. Продолжая процесс мышления, мы обнаруживаем, что нет больше повода для антипатичного отношения, а есть повод для понимания другого. Такие техники, как “горячий стул”, “игра противоположных сил”, “якорение” и пр., побуждают к пониманию объекта антипатии в целостности, к нейтрализации антипатии и построению на ее месте позитива. Еще более глубинное значение межличностных отношений раскрывается при дальнейшем понимании сложнейших психологических переходов вплоть до момента зрелости этого понимания, когда первоначальная антипатия, пройдя долгий и трудный путь, преобразуется в любовь. Так постоянно обновляющийся процесс становления заменяет стагнацию факта антипатии, а продолжающееся мышление об антипатии заменяет автоматичность ассоциативных рядов. Есть редчайшие исключения, подтверждающие это правило. Представим человека, которому дается

---

¹⁰ Чжуан-Цзы. М., 2002, с. 85.

бесконечное множество шансов межличностного доверия и атрибутирования позитивных качеств, но который с неизменным постоянством доказывает обратное. В случае, если человек исчерпывает потенциал межличностного доверия на минус 100 процентов, обесмысливается главный нерв межличностных отношений – *развитие*, поэтому антипатия стагнирует и отношения становятся деструктивными.

Как антипатия, так и симпатия постоянно должны обновляться, умирать и снова возрождаться, не превращаясь в привычку. Конечно, есть множество психических содержаний, которые человек не в силах сознательно контролировать и подчинить сознательному выбору. Но отсутствие контроля, стремление к удобному и приятному, приводит к незначительному сужению сознания, но даже малейшее сужение сознания по поводу отношения к другому человеку чревато еще большими неудобствами и неприятностями.

Симпатия в рамках души ощущающей детерминирована влечением, вред которого заключается в том, что, находясь в области подсознательного, оно не подвигает человека к тому, чтобы он ставил перед собой проблему. “Влечение, – писал Аристотель, – противоположно сознательному выбору. Влечение связано с удовольствием и страданием, а сознательный выбор ни к тому, ни к другому отношения не имеет”¹¹. Симпатия, детерминированная рассудком, хотя и сознательна, но построена на основании зыбкой когниции, которая походит на временную психологическую сделку. Здесь также нет разрешения проблемы межличностных отношений, нет деятельности, освобождающей отношения от детерминант вплоть до постепенного возвращивания симпатии до любви через сверхсознание. Между тем продолжающийся и обновляющийся процесс межличностных отношений медленно и подспудно улучшал бы нас и мир. “С миром, – пишет Р. Рейбер, – мы имеем парадоксальные отношения любви-ненависти: мы обладаем видением угрозы худшего мира из-за наших потенциальных действий, когда ненавидим, и видением лучшего мира, когда любим”¹². Отсюда общая тональность или настрой к миру, детерминирующий энергетические потенциалы человека и его настроение, приводящее или отдаляющее его от внутреннего покоя, равновесия в себе и способности правильно ощущать и осознавать социально-психологические феномены.

Осознавать, однако, можно только то, с чем человек не отождествлен. Этот основной постулат психосинтеза Р. Ассаджиоли указывает на то, что неразотождествленная симпатия-антипатия может стать деспотом, властвуя над человеком и делая с ним что заблагорассудится, наподобие юнгианского автономного комплекса внутри психики человека. Суметь увидеть сросшиеся с тобой симпатии-антипатии со стороны и уметь разотождествиться с ними означает, что последние лишаются силы воздействия на психику и освобождают место для другой, основанной на понимании психической силы – *эмпатии*. Наша способность к познанию межличностных отношений, как считал К. Роджерс, обусловлена только эмпатией и ограничена только неспособностью к эмпатии. То, что человек

¹¹ Аристотель. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 4. М., 1984, с. 100.

¹² "The Psychology of War and Peace. The Image of the Enemy". N. Y. and London, 1989, p. 3.

познал и понял, не может нести на себе печать случайных полуосознанных симпатий-антипатий. Это не случайное в нас, а закономерное, то закономерное, что составляет часть общемировой закономерности – закономерности божественного порядка.

Таким образом, симпатии-антипатии могут быть как препятствием для развития “Я” и межличностных отношений, ослепляя идущего у них на поводу человека, так и стимулом к развитию “Я” при смене качества их внутреннего импульса от наличного к возможному. Симпатия-антипатия, продиктованная влечением или рассудком и составляющая первоначальную ступень этого феномена, содержит возможность перерасти в еще более сознательное, а потом уже в сверхсознательное управление ими вплоть до любви.

Практика психологии – единственное доказательство реальности этих переходов. Можно привести немало примеров того, как изнуряющая ненависть обратившегося за помощью человека в течение нескольких месяцев постоянных передвижек постепенно меняет свою валентность. Но практика не совмещается ни с одним из трех критериев научности: “Научной считается теория, верифицируемая экспериментальным путем” (К. Поппер), “Критерий научности проистекает из суждений научного общества” (Т. Кун), “Нет демаркационной линии между наукой и псевдонаукой” (П. Фейерабенд). Психотерапевтический праксис указывает на другой, *опытный* критерий научности, отличный от вышеназванных трех и утверждающий новую парадигму науки, основанную не на статистическом большинстве, а на индивидуальном опыте метаморфозы зла, не поддающемуся математическим выкладкам.

“Тот делает людям добро, кто делает его в данную минуту, общее добро – довод лицемера и негодяя”¹³, – говорил В. Блейк. Лицемерно пытаться одинаково любить всех или призывать к этому других. Но так же лицемерно закрывать глаза на очевидную истину становящегося, считая научным подсчитанное ставшее, а ненаучным – становящееся, полное интереса непрекращающееся понимание другого и самого себя. Наводнившее социальную жизнь негативное психологически и культурологически должно стать стимулом для этого понимания. По словам М. Элиаде, “Дух Зла оказывается возбудителем Добра”¹⁴, когда мы не отворачиваемся от него и не усиливаем, а вводим в правильный фарватер, заставляя его преобразоваться и замолчать. А “где молчит антипатия, там иное воспринимается как откровение, как возвешение”¹⁵. Каким же образом побудить к молчанию антипатию, чем нейтрализовать этот по сути необходимый полюс? Технически это можно сделать разными путями, но вектор работы должен быть следующим: необходимо включить антипатичное впечатление или переживание в развитие, превратив его в познавательный урок, нужно утилизировать антипатию прежде, чем она превратилась в ненависть. Но для этого надо предварительно лишить переживание эгоизма через его дальнейшее осознание, ибо более, чем в сфере сознания, симпатии и

¹³ Цит. по кн. **Тернер В.** Символ и ритуал. М., 1983, с. 210.

¹⁴ **Элиаде М.** Мефистофель и андрогин. Миф, религия, культура. СПб., 1999, с. 194.

¹⁵ **Штайнер Р.** Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. Ереван, 1990, с. 76.

антипатии функционируют на границах подсознания и сверхсознания. На уровне сверхсознания симпатия превращается в любовь, на уровне низшего бессознательного антипатия превращается в ненависть. Совмещение этих полюсов и освещение их эмпатией (ибо сверхсознание, согласно Р. Ассаджиоли, есть высшее бессознательное) осуществит гораздо более *прагматичный подход* к межличностным отношениям, чем любые теории обмена.

Сверхсознательное, как и христианство, есть сфера возможного. Оно предполагает становящееся в противоположность ставшему, “Я” в противоположность “эго”, обретение способности в противоположность привычке, истинное мышление в противоположность ассоциативному ряду, осознанное чувство в противоположность симпатии-антипатии, свободную форму в противоположность оформленному, импровизацию в противоположность научению, свободный выбор в противоположность обусловленности, эгоизм в противоположность действительному опознанию “Я”. “Все, что мы совершаем из эгоизма, – пишет Г. Кюлевинд, – отрывает нас от сверхсознания и того, что делает нас независимыми. Несвобода приходит не от какой-либо физической, биологической детерминированности, а от отчужденности той части души, которая должна быть узнана как сверхсознание. Или познание лишено эгоизма, или не является познанием вовсе”¹⁶.

ԳԱՅԱՆԵ ՇԱՀՎԵՐԴՅԱՆ – Միջանձնային համակրանք-հակակրանքի դինամիկան և ստազնացիան - Հոդվածում դիտարկվում է միջանձնային հարաբերություններում համակրանքի-հակակրանքի դերը: Նշվում է, որ ստազնացիայի դեպքում համակրանք-հակակրանքը ծառայում է էգոյին և ստեղծում միջանձնային խնդիրներ: Ընդ որում, համարվում է, որ համակրանք-հակակրանքի ամրապնդման մոդելները՝ փոխանակման, փոխլրացման տեսությունները, ներկայացնում են խնդրի գիտական-պրագմատիկ մոտեցումները: Սակայն հոգեթերապևտիկ պրակտիկան, որը հիմնվում է գիտականության ոչ թե փորձարարական, այլ փորձի չափանիշի վրա, մատնանշում է համակրանք-հակակրանքի հետագա գիտակցումը գերգիտակցականի տեսանկյունից: Այդ դեպքում համակրանք-հակակրանքը ձերբազատվում է եսասիրությունից և փոխակերպվում է ինքնագիտակցության և միջանձնային հարաբերությունների զարգացման, ուրիշների ճանաչման գործիքի:

GAYANE SHAHVERDYAN – *The dynamics and stagnation of interpersonal sympathy-antipathy.* - The paper discusses the role of sympathy-antipathy within interpersonal relationships. It is shown that in case of stagnation, sympathy-antipathy serves Ego and creates interpersonal problems. Besides, the reinforcement models of sympathy-antipathy are considered to represent the scientific-pragmatic approach to the problem. But the psychotherapeutic application, which is not based on experimental criteria but on experience, demonstrates that sympathy-antipathy should be considered from the point of view of super consciousness. In this case, sympathy-antipathy is deprived of egoism and is transformed into a tool that can be used both in developing self-consciousness, interpersonal relations, and recognizing other people.

---

¹⁶ **Kuhlewind G.** From Normal to Healthy. N. Y., 1988, p. 78.